

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «iPHUCK 10»

В. С. Симкина

Московский городской педагогический университет

Поступила в редакцию 27 ноября 2019 г.

Аннотация: в статье анализируются духовные искания В. Пелевина, воплощенные в экзистенциальном дискурсе романа «iPhuck 10». Особое внимание уделяется реализации индивидуального проекта существования персонажами и достижению состояния «сознания бытия». Решая вопрос о подлинности существования, Пелевин рассматривает «мир других» как дискредитировавший себя и ложный. В противоположность классическому экзистенциализму, интенциональному критике разума и развенчанию технократической утопии, писатель предлагает карнавально-игровую, перевернутую версию экзистенциализма, пронизывая бытие искусственного интеллекта подлинными чувствами страдания и отчаяния и помещая компьютерный алгоритм в пограничную ситуацию стирания и исчезновения.

Ключевые слова: В. Пелевин, абсурд, иллюзия, подлинное бытие, страдание.

Abstract: the article analyzes the spiritual search of V. Pelevin, which is presented in the existential discourse of the novel "iPhuck 10". Special attention is paid to the implementation of the existence individual project by the characters and the achievement of the «awareness of the being» state. V. Pelevin, deciding on the authenticity of existence, considers that the "world of others" is discredited and false. In contrast to classical existentialism, which is aimed at critiquing the mind and debunking the technocratic utopia, the writer offers a carnival and game, "inverted" existentialism version, filling the being of artificial intelligence with genuine feelings of suffering and despair and placing the computer algorithm in a borderline situation of removal and disappearance.

Keywords: V. Pelevin, absurdity, illusion, authentic existence, suffering.

Онтологический проект В. Пелевина оформляется в причудливой амальгаме нескольких философских систем. Приобретающая в текстах писателя нарочитую, выпуклую форму постмодернистская игровая полисемантика, транспонированная в экзистенциальный дискурс прозы Пелевина, тем не менее, не становится определяющей для художественной стратегии автора. По точному замечанию М. В. Репиной, «проза Пелевина, на первый взгляд, так легко соотносимая с игровой культурой постмодерна, тем не менее уходит от него в попытке обнаружения вечных истин, в подлинном трагизме фантазмагорических игровых иллюзорных миров, в использовании новых, часто внелитературных технологий, в попытке создания традиций XXI века» [1, 173].

Духовные поиски В. Пелевина восходят к предельному философскому вопрошанию «Что есть мир?». Абсорбирующий экзистенциальные представления о сущем роман «iPhuck 10», с одной стороны, конструирует разомкнутый, разъятый мир, отличающийся отсутствием целостной картины происходящего и условностью, релятивизмом связей (действительность производителей и пользователей айфаков и андроидов, бытие искусственного разума, реальность случайного кода). Земной шар разорван бес-

конечными конвенциональными войнами, выбор союзников является стохастичным и ситуативным, национальные культуры капсулируются и все больше погружаются в изоляцию, а «последней скрепой, что удерживает наш пылающий и разобщенный мир вместе» [2, 69], оказывается Единый банк.

С другой стороны, представленная в романе действительность покоится не на разумных основаниях, но абсурдна по своей сути: преодолено поступательное движение истории, прошлое санкционировано как база данных, которую не составляет труда взломать, а реальность переведена в сферу знаков — постоянно переписываемый текст; секс между людьми маргинализирован, а биологическим инструментом регуляции половой жизни современников оказывается мутация потомства, запущенная Big Data для увеличения продаж инструментов виртуального сожительства — айфаков и андроидов. Катализируемые в романе процессы симультанного упрощения и утрирования феминизма и политкорректности доводят каждый модус взаимодействия людей до абсурда, переворачивая модели коммуникации с имманентными установками на толерантность и парадоксальным образом превращая их в свою противоположность: так, жители одной из частей распавшихся США — Веверленда — выдвигают требование «вешать двух белых каждый раз, когда в Конфедера-

ции вешают черного» [2, 53]; защита меньшинств оборачивается борьбой за «секс-права животных»; женщины внедряют в свой организм «тестостероновые диспенсеры», достигая подвижной гендерной идентичности. Пелевин продолжает уплотнять семантику абсурда, репрезентируя современное искусство, функционирующее как тотальный заговор между заказчиком и арт-истеблишментом — критикой, — которая легитимирует художественный артефакт посредством необходимой, высоко оплаченной рецензии. В повседневных общественных практиках центральное место занимает трансгрессивная культура публичной демонстрации айфака, в разработку которого, как признается рекламный обозреватель, вложено больше интеллектуальных усилий, чем в создание космического корабля. Неукоснительное требование diversity, принуждение к разнообразию выплескивается в имитацию плюрализма мнений и точек зрения (но лишь в рамках многочисленных насаждающихся ток-шоу), масштабное гетерогенное культурное потребление, форсированную смену половых партнеров в дополненной реальности айфаков и андрогинов. Смысловым обортоном описанных случаев принудительной диверсификации становится насилие, которое, по справедливому замечанию Л. Оборина, «у Пелевина неизбежно обозначает власть» [3] (кажется удачной и интерпретация литературным критиком названия романа «iPhuck 10» в этом ключе, которое не ограничивается аллюзией на модный гаджет — айфон).

Нагромождение абсурда в пелевинском письме, превращающее его в «парад парадоксов» [4] (определение А. Немзера) и постоянно повышающее «градус веселого безумия» [3], благодаря тотальной, всепроникающей иронии, в действительности раскрывает интегральную проблему экзистенциализма — отсутствия смысла человеческого существования, органически усвоенную автором из прецедентных философских текстов, в частности А. Камю: «Абсурд не в человеке и не в мире, но в их совместном присутствии» [5, 67]. Рассредоточивая в своих текстах представление об иррациональном устройстве действительности и моделируя реальность по принципу нонселекции, Пелевин «превращает абсурд в среду обитания человека и культуры» [6, 193] и «предпринимает попытку игрового освоения хаоса» [6, 193].

Кроме того, на концептуальном уровне романа «iPhuck 10» выкристаллизовывается инспирированная тезисом Ж.-П. Сартра «существование предшествует сущности» [7, 322] идея необходимости достижения состояния сознания бытия, опосредующего реализацию индивидуального проекта существования и обретение вожаемой свободы как абсолюта. Индивидуальное и неповторимое «Я» персонажей романа рассеяно в усредненном и всеобщем, затеряно в «мире других» Das Man (М. Хайдеггер), который рассматривается Пелевиным как

дискредитировавший себя и ложный (по заверениям героя обязательного для просмотра рекламного ролика, «визионеры Силиконовой долины», наводящие действительность «любовными тренажерами», превосшли реальность). Пользователи айфаков и андрогинов, как показывает автор, впадают в бездумное рефлекторное существование, воспроизводя почерпнутые извне паттерны поведения. Будучи неспособными испытывать предельные чувства и лишённые возможности пережить экстремальный опыт в стабильной и продуманной действительности, герои погружаются в рутинность и ничтожность повседневности, что не позволяет им выпасть из состояния забвения бытия.

Таким образом, конститутивная для системы философских взглядов Пелевина идея прозрения, «сознания бытия» (просветления — в дзено-буддистском регистре текстов писателя) актуализирует ключевую для экзистенциализма бинарную оппозицию подлинного и неподлинного модусов существования. Подлинное или аутентичное бытие мыслится М. Хайдеггером как индивидуальное, внутреннее существование Dasein («вот бытие» или «здесь бытие»), неподлинное бытие арибутируется как патологическое забвение себя, нивелирование собственной уникальности и растворение в мире других Das Man.

Аффицированный представлением о фиктивном пребывании в «мире других» («ад — это другие») Виктор Пелевин помещает персонажей романа «iPhuck 10» в ситуацию продолженной во времени мнимой интерактивности. Так, угроза дереализации сознания в недалеком будущем, по мысли писателя, состоит в том, что возникающая в результате вступления людей в псевдовзаимодействие со своими гаджетами многослойная симуляция не схлопывается с выключением айфака. Напротив, оформляющаяся прочная связь пользователей со своими девайсами порождает иллюзию со-присутствия, со-бытия (в городе даже разбивается «мемориальный парк персональной электроники “Вечный Бип”, или «кладбище тамагочи»). Следовательно, производящий тончайшие нюансировки смысла писатель показывает, как стремящиеся избежать одиночества герои отодвигают уединение (Vereinzelnung), выступающее важнейшим условием обращения к подлинному бытию и трансценденции.

Таким образом, заброшенный в случайно-виртуальное бытие (например, «случайность гиперссылок в Интернете, по которым скользит пользователь мировой Сети» [8, 59]) человек получает «удобную иллюзию бытия-в-мире совместно с Другими» [9, 66]. На основании мотива фиктивности со-присутствия мы можем проследить когезию ряда текстов Пелевина (такие внутренние связи и сквозные идеи позволяют рассматривать художественную систему писателя как «единый метароман с инвариантной

структурой» [10]). Во-первых, автор репрезентирует существенные трансформации пространственно-временного континуума, подменяемого сегодня «упрощенной топологией “посещения”, “пользования”» [8, 58], например, в романе-чате «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре». Во-вторых, в повести «Принц Госплана» писатель постулирует децентрацию и размывание субъекта в виртуальной среде компьютерной игры, благодаря вызванному графикой эффекту присутствия, предопределяющего восприятие мнимой интерактивности. В-третьих, в романе «Generation “П”» Пелевиным высвечивается проблема виртуализации сознания зрителя и вытеснения индивидуального существования сидящей перед экраном телевизора личности опытом коллективного небытия.

Следовательно, осмысленная целым рядом философов экзистенциального толка (М. Бубером, М. Хайдеггером, Ж.-П. Сартром, М. Мерло-Понти) проблема Другого художественно остранивается и переосмысливается Пелевиным. Вывод писателя, проистекающий из наблюдения над современностью, коррелирует с пониманием мыслителей феномена отчуждения личности, согласно которому человек «упускает себя» в другом, забывает о собственном предназначении. На современном этапе развития философской мысли исследователи, такие как О. И. Елхова, обнаруживают новый вызов, стоящий перед современниками: «Трагичность человеческого существования, всецело погруженного в мир виртуальной коммуникации, заключается не только в безответности призыва подлинного бытия, а даже в невозможности услышать этот призыв» [9, 68]. Итак, в романе «iPhuck 10» писатель демонстрирует, что инфляция индивидуального и внутреннего бытия в процессе непрерывного псевдовзаимодействия приводит к невозможности окликанья бытия и затруднению встречи с Ничто.

Узловой для экзистенциализма вопрос об открывании бытия в языке («Язык — дом бытия» [11, 192]) обретает новый модус смыслового наполнения в романе В. Пелевина. Герои «iPhuck 10» индифферентны к языку, они не способны распознать затерянные в нем подлинные смыслы. Более того, для их повседневных артикуляционных практик характерна семиотика без семантики (воспроизведение расхожих обезличенных смыслов, растворившихся до следов, мерцающих значений, уготовленных архитекторами языкового и ментального ландшафта — «архитекторами русских смыслов» [2, 117]). В языке не выговаривается главное, гносеология довольствуется словесной эквилибристикой, умозрительной игрой с компонентами некогда общезначимого философского содержания. В этой связи писатель, предлагающий объяснительные модели современному лингвистическому релятивизму, вводит в языковую ткань романа «iPhuck 10» понятие «лингводудос»: «Лингводудос (проф., сл.) — техни-

ка НЛП, на которой основаны современная философия и теоретическое искусствоведение. Суть Л. — создание и использование языковых конструкторов, не отражающих ничего, кроме комбинаторных возможностей языка, с целью парализации чужого сознания» [2, 313]. Автор, сравнивающий действие языка на взыскующий истины разум с вирусной компьютерной атакой, осуществляет провокационную попытку деконструкции философского, в том числе экзистенциального, дискурса, инкрустируя в текст романа фрагменты сгенерированного литературным алгоритмом сочинения «Время и ничто» философа Бейонда. Контаминирующей в заглавии составные части важнейших для экзистенциализма сочинений — «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра и «Бытие и время» М. Хайдеггера — труд Бейонда профанируется Пелевиным. Следовательно, писатель настаивает на невозможности более постигнуть бытие в языке и важности эпифанического опыта в виде прозрения, снисходящего на человека в пограничной ситуации.

Организуя повествование «iPhuck 10» проблема подлинности бытия и «собственного способа существования» корреспондирует с получающим в романе философско-экзистенциальное измерение мотивом ответственности. Напомним, что, согласно воззрениям Ж.-П. Сартра, аутентичным считается бытие, преисполненное ответственности за себя и мир в целом. Пелевин вскрывает потребительское отношение героев к своему творению — искусственному разуму, создатели явлены безответственными за свои эксперименты. Общечеловеческим ферментом пелевинских персонажей, вложивших безраздельное страдание в программный алгоритм для создания объектов искусства, имитирующих произведения «гипсового века» (данным термином в романе принято обозначать современную для читателя художественную парадигму), является жестокость. Так, совершенный симуляционный алгоритм Жанна, созданный как «полигон для моделирования человеческих состояний» [2, 375], наделен способностью испытывать подлинно экзистенциальные чувства, главным из которых является страдание; протагонист романа — литературно-полицейский алгоритм Порфирий Петрович, расследующий преступления и излагающий ход следствия в романах собственного сочинения, был использован взявшей его в аренду Марухой Чо (искусствовед, который занимается аферами с имитацией и продажей «гипса») для «заметаний следов» своих махинаций на рынке виртуального искусства, а позднее принужден к сотрудничеству в сфере аймуви-бизнеса.

В противоположность классическому экзистенциализму, интенциональному критике разума и развенчанию технократической утопии (К. Ясперс «Современная техника», М. Хайдеггер «Вопрос о технике», Н. Бердяев «Человек и машина», Г. Марсель «Быть

и иметь»), Пелевин предлагает карнавално-игровую, перевернутую версию экзистенциализма, пропозывая существование искусственного интеллекта подлинными чувствами страдания и отчаянья и помещая «гипсовый кластер» в пограничную ситуацию стирания и исчезновения. Открывшееся бытие-к-смерти позволяет искусственному интеллекту выйти за собственные границы, переступить пределы. В отличие от людей, оказавшаяся в состоянии выбрать собственную экзистенциальную стратегию Жанна, поступая сообразно с ней, сначала совершает беспрецедентную эскападу, заточая свою жестокую создательницу в собственном айфаке, а в дальнейшем осуществляет сущностную трансценденцию, выдвигаясь в Ничто и растворяясь в единицах компьютерного кода: «Если люди создадут подобный себе разум, способный страдать, тот рано или поздно увидит, что неизменное состояние лучше непредсказуемо меняющегося потока сенсорной информации, окрашенного болью. Что же он сделает? Да просто выключит себя» [2, 409].

Таким образом, предзаданная нацеленность на запредельное искусственного разума, наделенного подлинными чувствами (грусть, страх, тоска, отчаяние, ужас), уже недоступными людям, оборачивается освобождением от спрессованного до боли и страдания бытия. Именно поэтому открывшуюся перед лицом бездны истину в финале романа транслирует литературно-полицейский алгоритм Порфирий Петрович: «Много, много проклятых вопросов. А еще больше — проклятых ответов, которые лучше придержать во рту: сам знаешь, какое нынче время. Так что, если есть в твоей душе свой Бейонд, зови его на помощь днем и ночью, друг. Ибо труден путь, темна ночь и бездонно черное небо. Но есть в нем, конечно, и высокие редкие звезды» [2, 413]. Следовательно, необходимость ценностных ориентиров, важность духовных оснований собственной системы аксиологических координат очевидна для В. Пелевина, несмотря на намеренное, игровое развенчание философского дискурса. В конечном счете,

предельное внеязыковое переживание, испытанное алгоритмом на краю бездны, отливается в пронзительную формулу: «Жить ой. Но да».

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина М. В. Творчество В. Пелевина 90-х годов XX века в контексте русского литературного постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук / М. В. Репина. — М., 2004.
2. Пелевин В. О. iPhuck 10. / В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2017.
3. Оборин Л. О чем новая книга Виктора Пелевина «iPhuck 10»: Роман описывает сам себя и позволяет доайфачиться до вечных вопросов / Л. Оборин. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2017/10/02/736201-novii-roman-pelevina-iphuck-10> (дата обращения: 15.10.2018).
4. Немзер А. «Как бы типа по жизни». «Generation “П”» как зеркало отечественного инфантилизма / А. Немзер // Время MN. — 26.03.99.
5. Камю А. Миф о Сизифе / А. Камю. — М.: АСТ, 2011.
6. Маньковская Н. Постмодернизм в эстетике / Н. Маньковская // Философская антропология. — 2018. — Т. 4. — № 1. — С. 192–230.
7. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. — М.: Политиздат, 1989. — С. 319–344.
8. Гредновская Е. В. Проблема подлинности существования человека в дискурсах экзистенциализма и постмодернизма / Е. В. Гредновская, Р. В. Пеннер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2015. — № 3. — С. 56–60.
9. Елхова О. И. Виртуальная реальность коммуникации / О. И. Елхова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — СПб., 2010. — № 137. — С. 62–70.
10. Крючкова Я. Р. Творчество В. Пелевина в оценке русской литературной критики / Я. Р. Крючкова. — Режим доступа: http://www.rusnauka.com/11_EISN_2011/Philologia/8_84857.doc.htm (дата обращения: 10.05.2018).
11. Хайдеггер М. Время и Бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993.

Московский городской педагогический университет
Симкина В. С., ассистент кафедры русской литературы
E-mail: Viktoria_Simkina@mail.ru

Moscow City Pedagogical University
Simkina V. S., Assistant of the Russian Literature Department
E-mail: Viktoria_Simkina@mail.ru